

Подписав «кабальную купчую», Линь Сань почувствовал, что его «статус» теперь официально закреплён, и воспрянул духом. У него даже хватило наглости тыкать пальцем в свою распухшую физиономию и жаловаться Сяо Тинланю на его тяжелую руку.

— Ты не обижайся, но эту привычку распускать руки тебе надо менять. Это еще повезло, что я крепкий, другой бы на моем месте уже коньки отбросил, — Линь Сань подsunул свое лицо-пышку прямо под нос мужчине и завил:

— Ты должен мне компенсацию.

— Хватит, — лицо Сяо Тинланя потемнело.

— Убирайся...

— Я проголодался! — не дав ему договорить, толстокожий Линь Сань беспардонно озвучил требование:

— Хочу тушеную курицу с грибами и миску белого риса.

От этой западной еды за последние дни его уже тошнило.

Сяо Тинлань в очередной раз приказал себе: «Спокойно!»

Хотя они были за границей, но, как известно, для богатых людей нет ничего невозможного. Если у тебя есть «способность сорить деньгами», то даже посреди Сахары тебе доставят воду из ледников Антарктиды. Так что какая-то курица с грибами проблемой не стала.

И действительно, через двадцать минут в номер вкатили сервировочный столик. Линь Сань поднял глаза и увидел пожилого мужчину в традиционном китайском костюме. Судя по виду — дворецкий, причем явно приближенный к Сяо Тинланю человек.

Линь Сань вежливо встал и поздоровался:

— Здравствуйте, уважаемый дедушка.

«Дедушка», он же дядя Фу, моргнул и с удивлением спросил:

— А вы, позвольте узнать, кто?

«Ну наконец-то спросили!» Линь Сань слегка указал подбородком на стоящего неподалеку Сяо Тинланя. На его красивом лице отразилась напускная покорность судьбе, но голос прозвучал подозрительно бодро:

— Я — его канарейка!!!

Старик окинул взглядом его гору мышц и честно ответил:

— Больше на орла похож.

— А вы с юмором, дедуля.

— Ты тоже парень забавный.

Они переглянулись: необъяснимая симпатия мгновенно возникла между ними.

— Как звать-то тебя, сынок?

— По паспорту — Линь Цзяньхай, но все зовут меня Линь Сань.

— По говору слышу — наш, с северо-востока.

— Ага, корни оттуда.

— Хорошие края. Люди там радушные, добрые и гостеприимные, — старик ударился в воспоминания: в молодости он бывал в тех краях, и один местный мужик принимал его так, что не забудешь:

— Тарелка арахиса и двадцать четыре бутылки пива — пока не упали, не разошлись!

— Всё верно, гостеприимство у нас в крови. Слушайте, дедуля, вы так располагаете к себе... осмелюсь спросить, вы здесь управляющий?

— Глаз алмаз, парень. Зови меня просто дядя Фу. Я в семье Сяо уже несколько десятков лет, молодого господина на руках вырастил.

— О, так вы ему как старший наставник.

— Ну что ты, не стоит... — А что с лицом-то? Видать, сильно приложили.

— А, ерунда. Кошка поцарапала. Я же «канарейка», кошке только дай волю — сразу лапой зацепит.

Дядя Фу, идеально уловив истинный смысл фразы, тут же бросил на Сяо Тинланя осуждающий взгляд, который без слов говорил: «Молодой господин! Как бы там ни было, бить людей — это дурной тон! Несдержанно! Крайне несдержанно!»

— Дядя Фу.

— Слушаю.

Холодный голос: — Выйди.

— Слушаюсь.

Совершив идеальный поклон в тридцать градусов, старик попятился к выходу, но напоследок подмигнул Линь Саню: мол, еще поболтаем.

Линь Сань: «ОК».

Когда дядя Фу ушел, Сяо Тинлань почувствовал, как внутри закипает злость.

— Гляжу, вы быстро нашли общий язык.

— Ой, ну не ревнуй! — Линь Сань кокетливо на него посмотрел.

— Не переживай, нам с тобой тоже всегда будет о чем поговорить.

«Я вообще не это имел в виду!» Как оказалось, не прошло и получаса с момента подписания контракта, а Сяо Тинлань уже остро захотел оформить возврат «товара».

Курица с грибами была... скажем так, не совсем аутентичной. Наверное, потому что курица была заграничной, а не родной. Но Линь Сань не привередничал и смел всё до последней крошки. Покончив с едой, он глянул на часы, деловито сходил в ванную почистить зубы, ополоснулся и послушно забрался на кровать Сяо Тинлани.

Похлопав по пустому месту рядом с собой, он спросил:

— Идешь?

Сяо Тинлань даже веком не повел. Линь Сань понял: сегодня «кино не будет». Ну и ладно, лиха беда начало...

Усталость навалилась мгновенно. Линь Сань, который толком не спал последние сутки, закрыл глаза и через пять секунд уже ритмично посапывал.

Сяо Тинлань посмотрел на него холодным взглядом, сжал кулаки и подумал: «Эту аномально крупную канарейку определенно нужно как следует выдрессировать!»

Линь Сань проспал всего несколько часов — время поджимало. Пора было возвращаться. Он пришел к своему «спонсору» попрощаться.

— Жду тебя в Жунчэне, — он наклонился и, игнорируя недовольный взгляд Сяо Тинлани, перехватил его за подбородок и легонько чмокнул в щеку.

— Почему ты так вкусно пахнешь? Что за духи?

Наверняка какая-нибудь дорогушая марка, о которой он и не слышал.

Сяо Тинлань оттолкнул его и ледяным тоном бросил:

— Проваливай.

И Линь Сань послушно провалился.

Вернувшись в отель к своей группе, Линь Сань обнаружил, что все буквально сияют от счастья. Режиссер с пучком прыгал от восторга: оказалось, что «Тридцать оттенков серого» действительно получил награду. Пусть не главный приз, но на таком фестивале любая статуэтка — это триумф.

Оттащив в сторону «глубокоуважаемого мастера Сан-Саня», Нин И таинственно прошептал:

— Есть еще одна потрясающая новость.

Линь Сань моргнул:

— Какая еще новость?

— Да! Ко мне обратились международные издатели. Они хотят издать книгу по «Тридцати оттенкам серого»! Бумажная книга, перевод на кучу языков, мировые бестселлеры...

— Мастер, вы скоро станете знаменитым на весь мир писателем! Ну как, вы рады? Счастливы?

«Счастлив я, как же». Линь Сань вдруг напрягся:

— Ты ведь не раскрыл мою личность?

Режиссер ударил себя в грудь:

— Ни в коем случае!

Ну и слава богу!!!!

Черт, Линь Сань даже представить боялся, что подумает о нем Сяо Тинлань, если узнает, что он автор этой «клубнички». Точно за извращенца примет! С этими мрачными мыслями Линь Сань вместе с группой покинул Страну Утопий, завершив свое бурное заграничное турне.

Линь Сань вернулся домой. Дети были счастливы. Пока он был рядом, он их бесил, но стоило ему уехать — и всем стало ужасно одиноко. Так что уж лучше пусть бесит. Линь Сань не говорил им, что летал в Страну Утопий, и сейчас помалкивал.

Только Линь Кэинь с подозрением спросила:

— А почему у тебя лицо стало шире?

Наверное, отеки еще не сошли.

— Это я для вас подарков накупил, — выкрутился Линь Сань. Получив брендовую куклу, Кэинь тут же забыла про папино лицо.

Жизнь вернулась в привычное русло, с той лишь разницей, что Линь Сань теперь жил в ожидании звонка от Сяо Тинланя. Но, увы, после возвращения тот словно сквозь землю провалился. Линь Сань ничего не мог поделать. Почему не звонил сам? Да потому что в том кабальном договоре было четко прописано: Линь Сань не имеет права беспокоить «господина» первым. ОДНАКО!!!!!! На каждую хитрую гайку найдется свой болт. У Линь Саня не было номера Сяо Тинланя, зато у него был номер дяди Фу!

Так что теперь старик и парень регулярно переписывались. Благодаря доброму сердцу дворецкого Линь Сань понемногу узнавал о своем «спонсоре». Возраст, образование, хобби, прошлые отношения и — самое важное — ребенок.

Дядя Фу подтвердил: ребенок действительно принадлежит молодому господину. Ему два года, он неземной красоты, суший ангел. И Линь Сань узнал его имя: Тунь-тунь.

Услышав это, Линь Сань решил блеснуть эрудицией:

— А, знаю-знаю. «Тунь» в древности означало «поросенок». Значит, Тунь-тунь — это Поросяночек. Наверное, чтобы рос здоровым и крепким.

— О, вовсе нет, — ответил дядя Фу.

— Маленький господин еще в утробе матери очень любил слушать звуки дельфинов (хай-тунь)... Поэтому его так и называли.

Линь Сань замялся. Черт, решил раз в восемьсот лет выпендриться знаниями — и сел в лужу.

Но это не главное. Главное другое:

— А мать Тунь-туня...

Ответ от дяди Фу долго не приходил. Линь Сань понял: тема закрыта. Тогда он решил сменить тактику:

— А у меня тоже дети есть. Пять сыновей и дочка...

Тут же пришел ответ.

— Вот как? Растить столько детей... должно быть, господину Линь приходится нелегко.

— Трудно, конечно, но видеть, как они растут — это чистое счастье, — Линь Сань на автомате начал строить из себя образцового отца. Он пустился в долгие рассуждения о своей «педагогической философии», и звучало это на удивление убедительно. Неизвестно, купился бы кто-то другой, но дядя Фу, похоже, проникся. Он с восхищением написал: «Ваши дети обязательно станут выдающимися людьми». Линь Сань улыбнулся: «Я в этом ни капли не сомневаюсь».

В конце концов, его главный козырь — это быть «папочкой». Когда-то была книга «Гарвардский путь», а он когда-нибудь напишет свою — «Тернистый путь отцовства».

<http://bllate.org/book/16514/1503039>